

МЕМУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

Литературный факт.
2024. № 3 (33)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 3 (33), 2024

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-33-70-105>
<https://elibrary.ru/QZSKFV>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Переписка Ф.Д. Крюкова и А.И. Тинякова (1903–1915)

© 2024, А.Л. Соболев

Независимый исследователь,
Москва, Россия

Аннотация: В публикации представлена переписка поэта-декадента Александра Тинякова (1886–1934) с его школьным учителем и литературным наставником, известным политическим деятелем и писателем Федором Крюковым (1870–1920), бывшим в 1900-е одним из редакторов журнала «Русское богатство». Большинство писем относится к 1903–1905 гг., когда Тиняков, покинувший орловскую гимназию, делает первые шаги в литературном мире и чувствует потребность поделиться со своим наставником творческими планами (он составляет рукописный журнал «Лучи Зари» и активно рассылает свои тексты в центральную периодическую печать), небогатым пока опытом успехов и неудач. Издательские проблемы, журнальная жизнь начала XX в. — сквозные темы этой переписки. Тиняков с гордостью рассказывает о своих литературных знакомствах — с В. Брюсовым, Л. Андреевым, А. Серафимовичем, С. Соколовым-Кречетовым и другими. Эпистолярный диалог лиц, относящихся к двум диаметрально противоположным культурным кругам, представляет значительный интерес в том числе и потому, что мгновенно делается достоянием литературы: Крюков использует личность и послания своего ученика в качестве фактического субстрата для своих романов из гимназической жизни.

Ключевые слова: Федор Крюков, Александр Тиняков, литературная и бытовая переписка, биографии писателей, русская периодическая печать и книгоиздание 1900-х гг., журнал «Русское богатство», русские гимназии рубежа XIX–XX вв.

Информация об авторе: Александр Львович Соболев — независимый исследователь, г. Москва, Россия.

E-mail: trirodov@gmail.com

Для цитирования: Соболев А.Л. Переписка Ф.Д. Крюкова и А.И. Тинякова (1903–1915) // Литературный факт. 2024. № 3 (33). С. 70–105. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-33-70-105>

Недолго продолжавшаяся и не полностью сохранившаяся переписка Федора Дмитриевича Крюкова с Александром Ивановичем Тиняковым находится на пересечении нескольких ситуативных аномалий: это эпистолярный диалог между убежденными адептами взаимовраждебных литературных направлений, большая часть которого падает на пребывание обоих корреспондентов в провинции. Ее внешняя фабула проста: Крюков с 1893 г. был воспитателем в пансионе (а позже — преподавателем) Орловской мужской гимназии; Тиняков поступил туда в 1897 г. и, не кончив курса, вышел из нее в 1903 г.¹ Будучи на тот момент, вероятно, единственным действующим беллетристом в гимназическом кругу, Крюков поневоле оказался наперсником и конфидентом своего неистово стремящегося к литературе воспитанника; потраченные на него педагогические усилия были сторицей вознаграждены обилием сгодившейся для бытописательских очерков фактуры.

В июньском номере «Русского богатства» за 1904 г. был напечатан рассказ Крюкова «Картинки школьной жизни», основанный на почти не завуалированных историях из жизни Орловской гимназии. Московское «Русское слово» в неподписанной заметке иронизировало:

Тишь да гладь царили среди педагогов нашего города. В свободное от службы время они посещали друг друга и за «чаепитием» тихо беседовали о нуждах преподавания...

Ничто не тревожило их безмятежного сна.

Так проходили дни за днями.

И вдруг на безоблачном горизонте педагогического мира внезапно показалась тучка, а вслед за ней и молния сверкнула.

— Подлость! Подлость! — заметались из стороны в сторону педагоги, испугавшись невиданного грома.

— Что это? Расшатывание школьных основ! Неуважение к педагогической деятельности!

Надвинувшаяся туча была июньской книжкой журнала «Русское богатство». Гром — рассказ «Школьные картинки», за подписью «А. Березенцев» <sic>, помещенный в журнале.

В этом рассказе гг. педагоги узнали себя и одну из наших мужских гимназий.

Возмущенных педагогов неотвязно стал мучить вопрос:

— Кто это мог?

¹ В автобиографической хронике Тиняков датирует личное знакомство с Крюковым маем 1903 г., что представляется весьма маловероятным [13, с. 324].

Исхудали, покой потеряли в поисках автора «Школьных картинок». И — о, ужас! — автор оказался таким же педагогом!! Началась история².

Среди выразительных портретов нашумевшего рассказа особенно выделяется изображение гимназиста, оставленного за неуспеваемость на второй год в шестом классе. Представляется он как «Сверхчеловек Петр Иванович Кривцов. Одинокий!»³, одевается в «щегольской мундирчик», «способен, прилежен, аккуратен», хотя до известной степени и подвержен изнеженности нравов: «как в пятый класс перевалит мальчишка, обзаведется сейчас знакомой гимназисткой, научится мерзавчика распечатывать и ничего, ровным счетом ничего не делает!»⁴. Как убедительно доказано в недавней работе, этот персонаж полностью, с обилием подробностей, списан с Тинякова-гимназиста [12].

Среди окружающих его в гимназии лиц единственный положительный герой — преподаватель истории, alter ego автора: «Кривцов вышел и, чтобы скрыть охватившее его невольное волнение, которого он стыдился, с чуть заметной улыбкой поглядел на “историка”. Он любил этого умного, грубого, безнадежно раздраженного человека, любил его брань, острые слова и, в конце концов, самую настоящую, самую ценную доброту, скрывавшуюся за этой шероховатой, колкой оболочкой наружной свирепости. Он знал, что по своему предмету “историк” никого не оставлял на второй год и ограничивался лишь угрозами. Правда, иногда он доводил до крайней истомы бранью и насмешками, отводя на учениках свою уязвленную безрадостной жизнью душу. Правда, его побаивались и нередко уклонялись от его уроков. Но, оставляя гимназию, никто не уносил о нем враждебного воспоминания, и все считали его самым интересным, самым ценным и самым честным учителем»⁵.

Спустя три года, когда Крюков, со скандалом покинувший орловскую гимназию, будет представлять область войска Донского в Первой Государственной думе, выйдет его повесть «Новые дни», где

² Б. п. Орел. Смятение среди педагогов // Русское слово. 1904. 19 ноября. № 322. С. 3. Трудно не увидеть здесь параллели с реакцией прототипов на начатый печатанием в следующем году роман «Мелкий бес», написанный другим провинциальным педагогом; см., напр.: [10, с. 684–688].

³ Березинцев А. Картинки школьной жизни // Русское богатство. 1904. № 6. Отд. I. С. 11. Вряд ли стоит напоминать, что «Одинокий» — постоянный псевдоним Тинякова с первых литературных шагов.

⁴ Там же. С. 4, 11.

⁵ Там же. С. 9–10.

вновь появится эта же пара героев — прогрессивный гимназический преподаватель и его нерадивый, но талантливый ученик — «красивый брюнет, поэт-декадент и остряк»⁶ (теперь их фамилии Краев и Карих соответственно). Сходство его с прототипом усугубляется тем, что Крюков абзацами добавляет в реплики Кариха цитаты из подлинных писем Тинякова к нему. Вот сцена беседы между гимназистами Богоявленским (его прототип — Е.А. Преображенский, в будущем авторитетный большевик), Ананьевым (вероятно, это И.И. Анисимов) и Карихом, пришедшими в гости к своему учителю:

— А вы, Карих, не марксист?

— Нет.

— Вы кто же?

— Декадент какой-то, — тоном сожаления заметил Богоявленский: — по натуре — форменный революционер, но ничего прочного и определенного. Отношение к начавшемуся движению отрицательное и сожалеющее... С оттенком аристократического презрения...

— Вот как... Но почему же?

Карих, не спеша, вынул из кармана брюк бумажный портсигар и с деловым видом достал из него единственную, оставшуюся там, папиросу. Из всех троих курил только он один.

— Не верю в толпу, — снисходительно улыбаясь, сказал он и привычным, неторопливым жестом зажег спичку. — Марксисты думают, что работают для новой жизни. Ошибка. Перефразируя Ницше, можно сказать, что... не человек, а вся жизнь человечества — посмешище или мучительный позор... Всегда она такой будет. Даже изменившись — с наступлением социалистического строя⁷.

Вся последняя часть реплики представляет собой слегка видоизмененный фрагмент из письма Тинякова к Крюкову от 23 февраля 1905 г. (№ 16 по нашей нумерации). В дальнейшем черты сходства героя с прототипом только множатся — в частности, он демонстрирует учителю свои поэтические опыты («Карих — способный юноша, но уже изломан. Приносил несколько раз стихи, — стиль модерн... ничего не пойму.... И сам он — такой непонятный: ходит грязно, в обтрепанных брюках, но покупает дорогие духи»⁸). Во второй части

⁶ Крюков Ф. Новые дни (из школьной хроники) // Русское богатство. 1907. № 10. Отд. I. С. 94.

⁷ Там же. С. 96.

⁸ Там же. С. 99.

повести подробно описан первый опыт обращения Тинякова-Кариха в символистское книгоиздательство:

— У меня личное горе, — насупившись, сказал Карих.

Он сел к столу, взял стакан чаю и, отхлебнув из него, задумался.

— Боюсь, что смеяться будете... ну, все равно! Дело в том, что посылал я в «Северные цветы» свои стихотворения. И Брюсов пишет теперь, что они непригодны для напечатания — на том основании, что, прочтя их, он «остался таким же, как был»...

Карих остановился и с грустью вопросительно поглядел своими красивыми глазами на Кариха. Чувствовалось, что он хотел бы услышать что-нибудь в утешение.

— Горе небольшое, — сказал Краев искренне: — читайте, учитесь, работайте...⁹

Далее следует большое, растянувшееся на две страницы стихотворение в прозе Краева «Вечная скорбь»: нет сомнения, что это — один из несохранившихся ранних опытов Одинокого. Ко времени публикации «Новых дней» пути автора и прототипа давно разошлись, чтобы ненадолго вновь соприкоснуться в 1915 году, накануне окончательного изгнания Тинякова из литературы.

Федор Дмитриевич Крюков до определенного момента был известен прежде всего в качестве казачьего Эдуарда де Вера: в многолетних настойчивых и не слишком убедительных попытках оспорить авторство «Тихого Дона» он назывался в числе главных альтернативных претендентов. Интерес к колоритной фигуре Александра Ивановича Тинякова, оформившийся в начале 1990-х гг., не угасает и ныне (см: [2; 11 и др.]).

Тексты печатаются по автографам, без изъятий, с сохранением особенностей оригинала (но с переводом на новую орфографию). Письма Крюкова: РНБ. Ф. 774. Ед. хр. 22. Письма Тинякова: РГБ. Ф. 654. Карт. 4. Ед. хр. 87; Ф. 654. Карт. 5. Ед. хр. 59. Для удобства копирования и сверки мною было заказано сканирование в Отделе рукописей РГБ двух последних корпусов: велико же было удивление, когда выяснилось, что немедленно по выполнении платного заказа частного лица экземпляры копий выкладываются для всеобщего

⁹ Крюков Ф. Новые дни (из школьной хроники) // Русское богатство. 1907. № 11. Отд. I. С. 87. Историю с неудачным обращением к Брюсову Тиняков рассказал Крюкову в письме № 11.

доступа в интернет. Вероятно, этот казус стоит держать в уме при планировании публикационных работ.

1. Тиняков — Крюкову

2 июля 1903

Многоуважаемый Федор Дмитриевич!

Простите, что долго не присылал Вам обещанного, но на это были причины. Все это время я думал нужно мне писать, или нет? — И решил, что не нужно. Три типа стояли и стоят предо мной, как живые, но тем не менее я не возьму пера в руки, с целью изобразить какое-либо жизненное явление.

Я теперь далек от действительной жизни, много пишу и с каждым разом все больше и больше погружаюсь в душистые волны декадентской поэзии.

Несколько своих опытов я послал в «Гриф» (декадентское книгоиздательство) и в ответ получил любезное письмо от главного редактора С.А. Соколова¹. В своем письме он, перечислив недостатки моих стихов, говорит, что: «несмотря на все это в моих стихах чуются искры несомненного дарования». Затем он советует мне читать, как можно больше символистических произведений, просит еще прислать, что я напишу и выражая уверенность, что я буду в числе их сотрудников, жмет мою руку.

Письмо это очень обрадовало меня и на днях я послал ему еще несколько стихов. Появятся они должно быть во «II альманахе Грифа» в декабре нынешнего года².

Кроме стихотворений я написал большой рассказ «К неизвестности» — тоже декадентский³.

Как видите, я успешно ушел от действительной жизни, а следовательно и от страдания и было бы глупо, если бы я позволил себе снова спуститься на Землю и начать наблюдать или изображать жизнь.

Я думал над Вашими словами относительно крестьян. Вы говорили, что крестьянам и вообще низшим классам нужно дать свободу и деньги, чтобы они были равны нам по силам и могли бы конкурировать с интеллигенцией. Тогда я ничего не возразил Вам, но подумав решил, что Вы не правы и мы, напротив, должны всеми силами стараться, чтобы не дать им свободы и мат<ериальных> средств, потому что получив их они немедленно вступят с нами в борьбу. А жизнь вовсе не есть борьба, и создавать себе препятствия и противников совсем не умно.

Сегодня прочел в «Русских ведомостях» новый циркуляр и порадовался, что вышел из гимназии и не подпал под новую тяжелую «сердечную» опеку⁴.

Теперь позвольте мне спросить Вас относительно Вашего рассказа и вообще Вашей литературной деятельности.

Появилось ли Ваше произведение в «Русском Богатстве»?⁵ Я не получаю этого журнала и не знаю под каким псевдонимом оно будет помещено. Пожалуйста сообщите мне это и я возьму книжку «Р<усского> Бог<атства>» из «Пушкинской»⁶. Подвигается ли Ваш рассказ из гимназической жизни? Я, признаюсь, жду его с большим нетерпением и интересом...

Уважающий Вас А. Тиняков.

1903 г. 2 июля.

Адрес: Станция «Становой Колодезь» Моск<овско->Курс<ской> ж<елезной> дор<оги>. Алдру Ив. Тинякову в с. Богородицкое.

¹ Московское книгоиздательство «Гриф» к этому времени успело напечатать лишь первый выпуск одноименного альманаха (цензурное разрешение 27 марта 1903 г.). Его фактический владелец и вдохновитель Сергей Алексеевич Соколов (1878–1936) писал Тинякову 1 июня 1903 г., отвечая на его несохранившееся письмо: «Милостивый Государь, Александр Иванович!

Из присланных Вами стихотворений едва ли можно выбрать для нас. В них много шероховатостей, как-то: злоупотребление банально-декадентскими образами (душистый, серебристый...), порой чрезмерная детальность описания в ущерб художественности (руки мертвеют, очи темнеют, губы немеют...).

Но при всем том в Ваших стихах чуются искры несомненного дарования. А это тем более ценно, что так трудно сберець и не угасить священный огонь, живя “одиноким” где-то в далеком селе Богородицком.

Потому мой Вам совет — продолжать творить, но с большей дозой самокритики и параллельно с этим основательнее читать произведения русского и переводного символизма, что принесет Вашему таланту большее богатство образов.

Я просил бы Вас прислать нам еще несколько Ваших вещей до сентября (включительно>), т. к. II альманах выйдет в начале декабря. Быть может, у Вас найдется и проза. Пришлите и ее. Если у нас будет большой выбор, то больше и возможности судить о Вашей литературной физиономии, и тогда очень вероятно, что Вы будете в числе наших сотрудников.

Жму Вашу руку.

С. Соколов» (РНБ. Ф. 774. Ед. хр. 39. Л. 1).

² На отправку второй порции текстов Соколов отозвался в письме от 12 июля 1903 г.: «Надо сознаться, что стихи второго присыла значительно слабее первого. Если из Ваших стихов что-либо пойдет в декабре (в II Альманахе), извещу своевременно.

С уверенностью могу сказать одно: из небольшого прозаического отрывка Вашего ясно видно, что Ваша дорога — проза, а не стихи, и в этом смысле, думается мне, можно ожидать большего» (Там же. Л. 7188 (sic!)). Второй альманах «Грифа» вышел только в 1904 г. (цензурное разрешение 31 января). Там были напечатаны два прозаических этюда Тинякова (под псевдонимом «Одинокий»): «Последнее свидание» и «Возвращение».

³ Рассказ Тинякова «К Неизвестности» был помещен в выпускаемом им рукописном журнале «Лучи Зари» [13, с. 320]. Текст его нам неизвестен.

⁴ «Циркуляр министра народного просвещения гг. попечителям учебных округов», напечатанный в «Русских ведомостях» 3 июля 1903 г. (№ 181. С. 4), был посвящен вопросам школьной дисциплины. Тиняков цитирует содержащуюся там формулировку «сердечная заботливость о нравственном преуспевании воспитывающихся».

⁵ См. ответ на этот вопрос в п. 2.

⁶ Общественная библиотека в Орле в честь столетия со дня рождения Пушкина (в обиходе «Пушкинская»). Открыта 27 мая 1899 г. по адресу: Гостиная улица, у Очного (Мариинского) моста, дом Куркина. См.: [4, с. 312–313].

2. Крюков — Тинякову

8 июля 1903

8-го июля 1903 г.

Глазуновская станица

Письмо Ваше, Александр Иванович, я получил сегодня и прочитал его со смешанным чувством: было и приятно кое-что узнать, а кое-что возбудило чувство сожаления. Приятно было мне узнать о том, что Вы упорно работаете в литературе, — а это есть первый залог успеха, — приятно, что компетентные люди отмечают проблески Вашего дарования и что это обстоятельство вселяет в Вас больше бодрости и уверенности в своих силах, — но жаль, что Вы, по видимому, склонны примкнуть к группе крайних символистов, а не умеренных, каковыми я считаю Андреева и Горького, умеющих сочетать лучшее из реальной и символистической школы, а затем жаль, все-таки, что Вы бросили гимназию. Вы лишили себя хорошего жизненного опыта, ибо средняя школа теперь у нас может служить наилучшим барометром политики, и пребывание в ней могло бы дать человеку, умеющему наблюдать, драматичнейший материал для создания вещи, подобной «Запискам из мертвого дома».

Вы пишете, что успешно ушли от действительной жизни, а, следовательно, и от страдания; не верю этому: действительная жизнь еще несколько раз властно позовет Вас к себе. Да мне кажется, что если бы и можно было уйти от нее, от этой пестрой, нескладной, но вместе и глубоко интересной сутолоки человеческих взаимоотношений, — то это все-таки не избавило бы от страданий.

Между прочим, Вы пишете также, что жизнь — не есть борьба. Я не знаю, как широк объем этого слова в Вашем представлении, — но думаю, что независимо от того или иного толкования этого понятия,

жизнь, каждый жизненный акт, включает в себе элемент борьбы; вся история человечества есть борьба или — иначе — стремление вперед — к счастью, к красоте жизни и т. п. Чем больше людей могут принять активное участие в этой работе человечества, тем она будет успешнее, и я верю, что настанут времена, когда главное зло — именно обязательность и чрезмерность труда — будет устранено, и труд станет удовольствием, а не средством для добывания пропитания. Тогда наступит свобода и — может быть — на земле воплотятся более красивые формы. Поэтому, наличность свободы и достаточных материальных средств у народа (будут ли это крестьяне, мещане, мелкие писари, городовые, учителя, дьячки <?> — все равно) не будет непременно обусловлена борьбой с нами — мы тоже люди труда, — а вызовет лишь более быстрый поступательный шаг вперед; для примера можно указать на ту же Германию, или Англию, или Америку или Швецию.

Что касается моих литературных работ, то они обретаются в следующем виде: рассказ из гимназической жизни я набросал вчерне, но над ним много придется работать, ибо в черновом наброске имеется лишь внешняя сторона, но пока нет психологии героя, и я намеренно обошел эту сторону, имея в виду присмотреться еще кое к кому из гимназистов¹. Еще есть черновые наброски двух рассказов, но едва ли я стану обрабатывать их, так как летом совсем не могу работать: жарко и вообще я ленив. В день своего отъезда из Орла я получил от Короленки письмо, в котором он уведомил меня о том, что принимает второй мой рассказ, — так что в портфеле редакции «Рус<ского> Бог<атства>» лежит два моих рассказа, но ни один из них еще не напечатан². Он предполагал пустить один в летних томиках; поэтому, думаю, что в июне, июле или августе появится рассказ мой «Из дневника учителя Васюхина», а осенью рецензия «В родных местах»³.

Ваш журнал еще у меня; отошлю его Преображенскому⁴ завтра или 10-го. Все статьи его я прочитал. Вам советую сосредоточить свое внимание пока на небольших вещичках, а большие теперь не писать, дабы избежать повторений; небольшие вещи у Вас выходят очень не дурно (напр. «Заснул»)⁵.

Я был бы очень рад, если бы Вы, бывая в Орле, заходили ко мне поболтать; адреса своего теперь еще и сам не знаю, но Вы узнаете его в пансионе или в гимназии. Послезавтра я уезжаю в путешествие недели на две с небольшим, вернусь в Глазуновскую в конце июля⁶. Если не лень, то пишите мне по тому же адресу, — Ваша литературная судьба меня очень интересует. Только жаль, что Вы не

хотите набросать учительских портретов; мне был бы интереснее всего Полидоров⁷ и его уроки, — это самый типичный педагог.

Крепко жму Вашу руку, желаю всего наилучшего.

Преданный Вам Ф. Крюков.

Конверт. Адрес: Станция «Становой Колодезь» Моск.-Курской ж. д. Село Богородицкое.

П. ш.: 10.7.03, 14.7.03.

¹ Вероятно, подразумевается очерк «Картинки школьной жизни», главный герой которого имеет общие черты с Тиняковым (Русское богатство. 1904. № 6. Отд. I. С. 2–47; подп. А. Березинцев). См. подробнее: [12].

² Этого письма мы не знаем. Письма Короленко к Крюкову напечатаны: [9, с. 150–151].

³ Рассказ «Из дневника учителя Васюхина» напечатан: Русское богатство. 1903. № 7. Отд. I. С. 5–39, очерк (не рецензия!) «В родных местах»: Русское богатство. 1903. № 9. Отд. I. С. 5–34.

⁴ Е.А. Преображенский, адресат нескольких стихотворений Тинякова; несколько раз упоминается в его рабочих тетрадях. В рукописном журнале «Школьные досуги» печатался за подписью «П.»; она расшифрована в записи на полях, из которой делается известно, что имя Преображенского — Евгений. Таким образом, не остается сомнений, что это — революционер-большевик и высокопоставленный экономист Евгений Алексеевич Преображенский (1886–1937; расстрелян). См. о нем: [3; 8]. В автобиографии Преображенского, напечатанной в последней книге, говорится: «Рукописный журнал «Школьные досуги», журнал, который я основал и вел вместе со свихнувшимся потом поэтом Александром Тиняковым, я к этому времени забросил ввиду его политической бесполезности» [8, с. 25]. В автобиографической повести Крюкова «Новые дни» он выведен под именем Богоявленского.

⁵ Этот «эскиз» значится в автобиографии Тинякова [13, с. 324].

⁶ Станица Глазуновская (ныне — Волгоградская область), родина Крюкова.

⁷ Михаил Петрович Полидоров, преподаватель древних языков в Орловской гимназии (Памятная книжка Орловской губернии на 1902 год. Орел, 1902. С. 30).

3. Тиняков — Крюкову

29 июля 1903

Многоуважаемый Федор Дмитриевич.

Прежде всего я должен поблагодарить Вас и вот за что:

В письме ко мне Вы, может быть и нечаянно, обозвали гимназию «мертвым домом». Это название натолкнуло меня и Преображенского¹, у которого я прожил недавно около 2-х недель, назвать наш журнал «Записками из Мертвого дома — гимназический журнал»². А для пущей ясности на обложке мы, мож<ет> быть, изобразим гимназию с подписью «мертвый дом». Вообще же теперь в виду того, что я не «зависаем» <sic!> от гимназического начальства, мы думаем поставить издание журнала на более широкую ногу и придать ему

какую-нибудь окраску. Я стою за самую пеструю. Так напр. Преображенский и нек<оторые> другие будут доставлять «красноватые» вещи, я и Свенторжецкий³ произведения с декадентской окраской, и т. под.

Свой последний рассказ «К Неизвестности»⁴ я читал Преображенскому и еще кое-кому и от всех слышал одни одобрительные отзывы и советы послать его Соколову (в «Гриф»), но я оставляю его до Вашего приезда в Орел и если Вы не откажетесь его выслушать, прочту Вам и поступлю сообразно с Вашим советом. Но только я почти убежден, что Вы признаете его негодным для печати...

Что касается до действительной жизни, то — Вы не ошиблись — она даже за такое короткое время, как от посылки к Вам и до получения мною от Вас письма, успела напомнить мне и весьма неделикатно напомнить, о своем существовании. В конце июня отец⁵ прогнал меня без денег и паспорта за то, что я решительно отказывался помогать ему в занятиях хозяйством и посещать «капище»⁶. Я пешком по 40° градусной жаре отправился в Орел, где и прожил почти без пищи, ночуя под заборами несколько дней. По совету Некрасова (уч<еник> 8-го класса гимназ<ии>)⁷ я пошел в редакцию «Орл<овского> Вестн<ика>» и предложил несколько своих декадентских произведений, которые мне на другой день были любезно возвращены. Моя решимость и гордость поколебались и я по совету Некрасова отправился к отцу, решив сделать некоторые уступки. Когда я пришел к решению, что их нужно сделать, они мне не казались тяжелы, напр. хождение, для виду конечно, в «капище» и т. под. Но когда мне пришлось их сделать, то они оказались почти непосильными, особенно занятие сельским хозяйством. После этого я поехал к Преображенскому и пробыл у него на 3 дня более срока, данного мне отцом. По приезде моем оттуда между нами произошла стычка, следствием которой было освобождение меня от занятий сельским хозяйством, но вместе с тем и от денег за книги.

Не знаю, что будет дальше.

Уважающий Вас А. Тиняков.

1903 г. 29-го июля.

С. Богородицкое.

Адрес мой тот же.

P.S. Не были ли Вы на «открытии костей»?⁸

¹ См. примеч. 4 к п. 2.

² Журнала под этим именем мы не знаем.

³ А.Б. Свенторжецкий — адресат нескольких текстов Тинякова, его соученик по гимназии. Может быть, это Александр Болеславович Свенторжецкий 1887 г. р., приговоренный в 1941 г. к восьми годам лагерей (<https://lists.memo.ru/d29/f343.htm>). При этом, не он ли — А. Свентаржецкий (через «а»): автор (выражаясь ненаучно) превосходного стихотворения «Сонет слишком ленивый, для того чтобы быть выдержанным» («Чуть сливки закипят — кладите шоколад...»), опублик. в: Новая жизнь. 1914. Апрель. С. 4.

⁴ См. примеч. 3 к п. 1.

⁵ Отец Тинякова — купец Иван Максимович Тиняков. Родился ок. 1860–1861 г. (в 1917 г. при регистрации в Орле записан в домовую книгу 56-летним; в 1920-м — 60-летним, см.: <https://forum.vgd.ru/?t=140651>); умер в 1921 г. [13, с. 13].

⁶ Вероятно, так автор именует православный храм.

⁷ Будущий метеоролог Петр Ильич Некрасов (1883–1940), регулярно встречающийся в автокомментариях к стихам раннего Тинякова. См. также примеч. 7 к п. 9.

⁸ Подразумевается открытие мощей преподобного Серафима Саровского, состоявшееся 19 июля 1903 г. и вылившееся в обширные торжества, сопровождаемые многочисленными исцелениями и прочими чудесами. См. прежде всего: Чудеса, явленные при открытии святых мощей преподобного Серафима в Сарове / сост. Н.Е. Добронравов. М., 1903; *Преображенский И.В.* Открытие святых мощей преподобного Серафима, саровского чудотворца. Описание очевидца. СПб., 1904; *Шестаков И.* Торжество открытия Св. мощей Преподобного Серафима, Саровского Чудотворца, 19 июля 1903 года. Вятка, 1903.

4. Крюков — Тинякову

8 августа 1903

Ваше письмо я получил, Александр Иванович, но по существу сейчас ничего не могу ответить, так как занят сборами в Орел и заканчиваю соби́рание материалов летнего времени и приведение их в порядок. В Сарове я был; много интересного для характеристики масс¹. Название «Мертвого дома» применительно к гимназии принадлежит не мне, а критику «Мира Божия» — Богдановичу², я же, во многом присоединяясь к его взглядам, помню и евангельское изречение: «ничто не оживет, аще не умрет»³. Поэтому думаю, что и в «Мертвом Доме» далеко не все мертвы. Вашу новеллу готов выслушать с интересом, хотя предупреждаю, что вкус у меня — устаревший: я держусь группы народников и в экономических, и в эстетических взглядах. Жалею, что у Вас выходят столь резкие столкновения с отцом Вашим; думаю, что если Вы немножко поубавите Ваши односторонности и резкости со своей стороны, то тогда меньше бы пришлось растрачивать душевной энергии на борьбу с материальными невротами. А впрочем, прошу извинения: это у меня говорит привычка воспитателя соваться со своими советами туда, куда не просят. В Орле я буду скоро; полагаю, что

наиболее свободными днями у меня будут 15–16 авг. Желаю Вам всего лучшего. Крепко жму Вашу руку.

Ф. Крюков.

Глазуновская. 8 авг. 1903 г.

Закрытка. П. ш.: 8.8.1903.

¹ См. примеч. 8 к п. 3. Под впечатлением от своей поездки Крюков написал рассказ «К источнику исцелений» (см. примеч. 6 к п. 11).

² Ангел Иванович Богданович (1860–1907) — плодовитый либеральный критик, совладелец журнала «Мир Божий». Источник определения не установлен.

³ 1 Кор. 15:36.

5. Тиняков — Крюкову *Между 1 и 17 сентября 1903*

Многоуважаемый Федор Дмитриевич.

Очень жалею, что за краткостью пребывания в Орле мне не удалось повидаться с Вами.

Плохово передаст Вам Полонского и Якубовича и 2-й № нашего журнала¹. Быть может Вы поинтересуетесь прочесть его. В нем помещены произведения Свенторжецкого (Шантпрюн), мои и одно стихотворение Козловского. Мне бы очень хотелось узнать Ваше мнение, как о своих произвед<ениях>, так и о произведен<иях> Свенторжецкого. Особенно мне хочется узнать от Вас о недостатках «К Неизвестности».

Вообще же мои произведения по сравнению с произвед<ениями> Свенторжецкого — сплошной недостаток. Ей Богу говорю это вполне искренно. В его стихах есть что-то такое неуловимое, что говорит, что они произведения истинной поэзии. Тем более это резко бросается в глаза, что они не блещут внешней красотой. Он удивительно верно передает настроение чего-то грустного и таинственного («В лесу») или в стих<отворении> «Тени» его простые слова «с выраженьем горя, тайного страданья» — передают сожаление гораздо полнее и красивей, чем мои многочисленные завывания и стоны...²

Скучно в деревне. Да и вообще что-то скучно мне. Только писание журнала наполняет мое существование, но чувствую, что он непрочен, так как мало у нас в гимназии развитых и способных людей, а те которые есть необщительны (Преображенский, Анисимов³). Все идут в одиночку со школьной скамьи и ни одно хорошее дело не может развиваться и укрепиться в нашей гимназии. Но несмотря на всю мою к ней антипатию и на лишней для меня диплом, я все-таки попытаюсь опять поступить в орловскую «alma mater», чтобы

убежать от деревенского одиночества и скуки и хоть немного еще подышать одним воздухом с интеллигентными людьми, немногими у нас, однако.

До свидания, дорогой Федор Дмитрич!

Адрес мой тот же: Станов. Колодезь М. К. с. Богородицкое.

Уважающий Вас Ал. Тиняков.

1903 г. Сентябрь.

P.S. Я нашел время передать Вам книги и Плохово передаст только №.

Датируется благодаря упомянутому в следующем письме посланию С.А. Соколова к Тинякову от 16 сентября: очевидно, что если бы он получил его до отправки настоящего письма, то о нем несомненно было бы сказано.

¹ Полонский и Якубович — это наверняка издания Я.П. Полонского и П.Ф. Якубовича-Меньшина, более известного под криптонимом «П.Я.». Плохово — вероятно, однокашника по гимназии — мы не знаем (логично предположить, что именно он — прототип гимназиста Благово из «Картинок школьной жизни» Крюкова). Журнал — рукописные «Лучи Зари», чье содержание нам известно благодаря росписи, опубликованной Н.А. Богомоловым [13, с. 320–322]; экземпляры самого журнала не разысканы. Речь здесь идет об августовском номере (№ 1), где помещены два стихотворения и два рассказа Шантпрюна-Свенторжецкого «Гени», рассказ, статья и семь стихотворений Тинякова и стихотворение Вс. Козловского «Суровая зима сменяется весной...». Личное дело Всеволода Павловича Козловского уцелело в архиве гимназии (Гос. архив Орловской области (ГАОО). Ф. 64. Оп. 2. Ед. хр. 544). При этом гимназический архив сохранился весьма фрагментарно: в частности, там нет личных дел самого Тинякова и его ближайших товарищей. Примечательно, что первый историк литературы, обратившийся к этим материалам, застал сам процесс их истребления: «Заведующий техникумом Губпрофобра тов. Баранов, благодаря любезности которого я получил доступ к остаткам гимназического архива, решил, что эти тетрадки не представляют ценности и стал их утилизировать, выдавая ученикам для использования крышек» [14, с. 53].

² Оба эти стихотворения помещены в первом номере «Лучей Зари».

³ Может быть, Иван Иванович Анисимов, учившийся в гимназии в то же время, что Тиняков (ГАОО. Ф. 64. Оп. 2. Ед. хр. 35). Дополнительный аргумент в пользу этой версии — упоминание в большевистской биографии Преображенского Ивана Анисимова, составлявшего вместе с ним и А. Литкенсом «социал-демократическую тройку» в орловской гимназии [8, с. 16].

6. Тиняков — Крюкову

7 октября 1903

Многоуважаемый Федор Дмитриевич.

С тех пор, как я был у Вас в моей «литературной карьере» заметны кое-какие шажки вперед. На первом месте нужно поставить получение мною письма от С.А. Соколова, с извещением о том, что во II (декабрьском) альманахе «Грифа» будут напечатаны мои прозаические произведения¹. Письмо его очень содержательное,

в нем он дает мне много дельных советов, как относительно внешности, так и содержания... Затем я начал печататься в «Орл<овском> Вестн<ике>» Два моих стих<отворения> в прозе (14 и 21-го сент<ября>) Вы может быть видали, стихотворение же «Два призыва» я дам в редакцию только в конце сентября и оно скоро появится². Это стихотв<орение> я дам не Павчинскому, а самому Аристову³. В разговоре со мной он хвалил стих в прозе «По течению» и все старался отвлечь меня от декадентства.

Написал я за это время немного — почти все написанное помещено в 3-х №№ «Лучей Зари»⁴. Хорошо бы было, если бы Плохово догадался дать их Вам. Мне очень бы хотелось услышать Ваш отзыв, равно как и о своих, так и о произведениях Свенторжецкого, — но просить не смею.

В редакции «Орл<овского> Вестн<ика>» я все порывался было заикнуться о гонораре, но духу не собрал, а в настоящих моих обстоятельствах даже самый микроскопический гонорарчик был бы для меня большим подспорьем, так как без книг и журналов, хоть ложись, да умирай.

Купил я себе в Орле учебников, но только что раскрыл какой-то из них, то тотчас же охватила меня невообразимая скука и все доводы против ненужности и бестолковости гимназической науки восстали предо мной и я закрыл учебник. Ясно увидел я, что в гимназию мне не поступить и так<им> образ<ом> единственной надеждой остается для меня литература. Но и тут, несмотря на некоторые успехи я ни капли не верю ни в свои «силы», ни в свои «способности», и даже напр<имер> «В.К.» из «Орл<овского> В<естника>» кажется мне недостижимым — он по крайн<ей> мере дельно может писать⁵. — А мне в последнее время так совсем не пишется. Отчасти причиной этому м. б., что я очень редко выхожу из своей комнаты и никогда из дома и темой для моих произведений служат по бол<ьшей> части мои сны, которые я развиваю, дополняю и обрабатываю до неузнаваемости (напр. «Гниющий труп», «Сон» и др.)⁶.

Простите, что я отнял у Вас время своим письмом.

Уваж<ающий> Вас А. Тиняков.

1903. 7-го окт. С. Богородицкое.

¹ Имеется в виду письмо от 16 сентября 1903 г.: «Письмо Ваше с рассказом “К неизвестности” получил. Из Ваших вещей кое-что, вероятно, пойдет в декабрьском Альманахе. Главным образом проза. Повторяю, — Ваша дорога — проза.

На напечатание Ваших вещей смотрю скорее, как на акт поощрения. Вам надо много и упорно работать над собою: больше самокритики и меньше дешевых похвал.

Работайте над стилем: порой режут глаз диссонансы. Относительно содержания — не думайте, что писатель «нового» течения должен писать непременно туманными красками и абстрактными образами; злоупотребление ими носит в себе же наказание — ходульность и вымученность» (РНБ. Ф. 774. Ед. хр. 39. Л. 7191 (sic!)).

² 14 сентября 1903 г. в «Орловском вестнике» было напечатано стихотворение в прозе «Последняя песня» (№ 244. С. 2), 21 сентября — «По течению» (№ 251. С. 2). «Два призыва» («Ладан поднимался, своды застлал...») было помещено в номере от 3 января 1904 г. (№ 3. С. 2).

³ Эразм Иустинович Павчинский (1876 – после 1934) — писатель, революционер, популярный фельетонист, в 1903 г. подвизавшийся в «Орловском вестнике». Аристов — издатель и редактор «Орловского вестника». В современных исследованиях его титулуют Александром, Алексеем и Анисимом, сходясь лишь в отчестве «Иванович». В орловских «Памятных книжках» он «А.И.» или «Ал.Ив.». Наиболее обстоятельный справочник по русской прессе считает его Александром [1, с. 278].

⁴ Второй и третий номера рукописных «Лучей Зари» помечены сентябрем 1903 г. [13, с. 320–321].

⁵ Под криптонимом «В.К.» в «Орловском вестнике» печатались статьи, посвященные литературе и педагогике (изредка — городская хроника); вероятно, и автор и адресат этого письма знали, кто за ним скрывается, но нам это неизвестно.

⁶ Фантазия «Гниющий труп» была помещена в № 3 «Лучей Зари», текст ее нам неизвестен. Рассказ «Сон» (также неизвестный) вошел в № 4 журнала.

7. Крюков — Тинякову

10 октября 1903

Александр Иваныч!

Написать Вам я давно собирался, но на подробное письмо у меня не хватало времени, а писать лишь для того, чтобы сказать, что я прочитал Вашу новеллу «В Неизвестности», мне представлялось неудобным. Теперь, сидя на дежурстве в пансионе, я попробую, если сумею, высказаться по поводу Ваших вещей, помещенных в 1-м № «Лучей Зари».

«К Неизвестности» в целом мне не понравилось; я нахожу хорошим начало, очень хорошим — конец, а середину очень слабой. Много повторений, много растянуто и разбавлено <?>. Когда я читал эту вещь во второй раз, мне так и хотелось перекрестить, т. е. вычеркнуть некоторые места. Описания любви и любовных объяснений Вам совершенно не удалось: много сентимента и мало простых, наиболее сильных в этом случае слов. Вообще музыка слов и их сочетаний Вас слишком увлекает, и — правду сказать — Вы мастер в музыкальности фразы. Но символ и тонкости оттенков Вам плохо удаются, хотя Вы и пробуете для выражения их новые, на мой взгляд — рискованные средства. Я повторяю свое прежнее мнение: Вам лучше всего удаются небольшие стихотворения в прозе, а большие вещи выходят слабыми и растерянными. Напечатанные

вещи, напр<имер>, мне нравятся. Но сотрудничать в «Орл<овском> Вестн<ике>» Вам не советую, — особенно сотрудничать бесплатно. От «Грифа» тоже не жду для Вас особой пользы. Мне все почему-то кажется, что из «душистых волн декадентской поэзии» Вы жизнью будете вдвинуты в многообразную поэзию окружающей Вас жизни и, так как Вы не лишены способности наблюдения, анализа и синтеза, — то Вы непременно натолкнетесь на мысль изобразить в звуках те уголки жизни, которые станут доступны для Вашего изучения. В общем, советую Вам побольше учиться, работать и присматриваться ко всему, что Вас окружает.

Стихи и проза Свенторжицкого — совершенно подражательного характера и носят печать усидчивой отделки. Есть некоторые удачные местечки. Но рассказ его об убийстве просто смешон.

Если будете в Орле, то милости прошу ко мне. Около 4-х часов дня меня всегда можно застать дома. Мой теперешний адрес: Большая Мещанская, д. № 1-й (Балакина).

Крепко жму Вашу руку и желаю Вам всего наилучшего.
Ф. Крюков.

10-го октября 1903 г.

Орел.

P.S. Мне все хотелось спросить Вас как-нибудь: чего бы Вы хотели от гимназии? И что, вообще, могла бы она дать в теперешних ее условиях? И что должна дать? Меня интересует точка зрения учащихся на сей предмет. Чего они ждут и ждут ли чего-нибудь.

Ф.К.

Конверт. П. ш.: 11.10.03.

8. Тиняков — Крюкову

25 ноября 1903

25 ноября.

Глубокоуважаемый Федор Дмитриевич.

Позвольте обратиться к Вам с неожиданной и, быть может, очень смелой просьбой. К этому вынуждают меня обстоятельства. Дело в том, что на этот месяц денег мне выслала бабка¹, а не отец. А отец и вообще не хочет мне высылать и я принужден буду возвратиться в деревню. Это раз.

Во-вторых, здесь я несмотря на неустанные поиски не мог найти себе квартиру и приходится ночевать хоть на улице.

Третье: Компания пьянствующих не оставляет меня в покое, а я по свойственной мне слабости и благодаря отсутствию поддержки не могу противуустоять <sic!> ее влиянию. Ко всему этому присоединяется моя несчастная любовь и еще кое-что.

В виду всего этого я решил произвести сильное впечатление на отца ну хотя бы безвестным отсутствием.

(Денег у меня есть немного. Есть и бумаги.)

Для этой цели я решил недели на две уехать в Москву — оправиться. Это секрет.

Конечно я и не думаю (да и не могу думать) пристроиться там к какому-нибудь серьезному органу, но все-таки побываю в «Гриффе».

А Вы оказали бы неоцененную услугу если бы дали самое незначительное рекомендательное письмо Серафимовичу². Оно заставило бы его выслушать меня. А у меня есть несколько стихотворений (которых вы еще не читали) и которые может быть годились бы для печати.

Поднимитесь, глубокоуважаемый Федор Дмитриевич, на этот раз над обыденщиной и сделайте, ради бога, этот несколько экстраординарный шаг.

Завтра утром я зайду за письмом, и возьму, если Вы будете так добры и напишете его.

Из Москвы я напишу Вам. Но только эта поездка — секрет.

С глубоким уважением ожидающий Одинокий.

1903 г.

25-го ноября

г. Орел.

¹ Вероятно, жена деда, Максима Александровича Тинякова. Имени ее мы не знаем.

² Александр Серафимович Серафимович (наст. фам. Попов; 1863–1949) — популярный русский и высокопоставленный советский писатель. Известны два его письма к Крюкову; в них нет ни слова о Тинякове, см.: [5].

9. Тиняков — Крюкову

8–10 декабря 1903

Москва. 8-го декабря 1903.

Многоуважаемый Федор Дмитриевич.

Не писал я к Вам сравнительно продолжительное время потому, что не о чем было писать.

В «Курьере» не знают адрес Попова и дали мне адрес Андреева, у которого я мог бы узнать и про Попова, а Андреев<a> не было в Москве¹.

В пятницу он приехал, а нынче я познакомился и с тем и с другим. У Андреева я был утром, у Серафимович <sic!> вечером. С Андреевым я познакомился как с писателем, с Серафимович <sic!> как с человеком и надо признаться Андреев произвел на меня гораздо большее впечатление и от знакомства с ним я ожидаю много для себя полезного.

Говорил он со мною около часу, не читав моих произведений.

Говорил он мне о том что нужно не писать, не приглядываться к жизни, а как можно больше жить. Советовал сторониться пока от литературы и литераторов, потому что нынче он выскажет мне свои взгляды, завтра декаденты другие — противоположные, а я как натура неустановившаяся откликнусь и на то и на другое и получится разлад. Особенно советовал сторониться от декадентов, как людей фанатических и могущих увлечь меня в дебри бессознательного творчества. Сам же он всецело стоит за творчество сознательное и вообще за жизнь сознательную.

Себя он причисляет к декадентам, — «хотя они и не считают меня за своего», прибавил он.

Я оставил у него свои произведения, и он просил меня зайти через неделю или две, чтобы он мог полнее высказать о них свое мнение.

У Серафимовича я читал только «В дороге», «Над мертвым озером» и еще 2–3 стих<отворения>, и он признал их годными для напечатания в «Мире Божьем»². Он тоже говорил о декадентстве и относится к нему совершенно отрицательно. Дал он мне визитную карточку, по которой я могу попасть в «Художественный кружок»³.

Он просил меня «захаивать к нему обедать» и вообще с ним я познакомился более или менее близко.

Но советам ни его, ни Андреева мне не внимается и завтра я вместо «М<ира> Бож<ьего>», снесу свои стихи в «Весы». О результате напишу здесь же завтра.

10-го декабря.

Вчера «Художественное собрание» не состоялось и я был в «Скорпионе». Познакомился с «нежным, как мимоза» Поляковым⁴ и Валерием Брюсовым, который любезно подарил мне книгу своих стихов.

Я оставил им «В дороге», «Над мертвым озером», «Лепестки» и свое последнее большое стихотворение «Последнее желание»⁵.

В «Весах» нет беллетристич<еского> отдела, и если мои вещи будут напечатаны, то в «Северных цветах» в марте 1904 г.⁶ Брюсов выразил желание, что если я буду печататься в «Скорпионе», то оставил бы «Гриф».

Познакомился я здесь у Некрасова с его братом и женою брата⁷. В лице доктора Некрасова я имею образованного и внимательного слушателя и ценителя.

Между прочим он советовал мне вести регулярную жизнь. Я внял его советам и каждый вечер регулярно напиваюсь. Причиной этому больше всего тоска о той девушке, которую я люблю и неизвестность относительно ее отношения ко мне.

Поляков просил меня дать адреса орловских жителей, кажется чтобы прислать им объявления о «Весах»⁸. Я постараюсь.

В Орел я приеду в 1-х числах января.

С уважением А. Тиняков.

1903. Москва.

Мой адрес: Москва. Смоленский рынок. Николо-Щеповский переулочек дом № 25 Баранова кварт. 9-я Беляева для меня.

¹ «Курьер» — московская газета, в которой печатались и Серафимович, и Л.Н. Андреев. В автобиографии Тиняков писал: «В декабре 1903 г. я был в Москве, где познакомился с А. Серафимовичем, Леонидом Андреевым и В.Я. Брюсовым. Знакомство с первыми двумя мне не дало почти ничего, но зато Брюсов на долгое время стал моим литературным учителем и предметом моего поклонения» [13, с. 14].

² «В дороге» («Я ехал дорогой степною...») — стихотворение Тинякова, впервые появившееся на страницах «Лучей Зари» (1903. № 2). Напечатано в: [13, с. 146–147] по рукописной тетради; в авторских примечаниях среди лиц, которые его одобрили, значится и Серафимович. «Над Мертвым озером» помещено в тех же «Лучах Зари» (1903. № 4); текст его до нас не дошел. В «Мире Божьем» стихи Тинякова не появлялись.

³ Московский литературно-художественный кружок. Примечательно, что за несколько месяцев до этого Серафимович напечатал в «Курьере» морализующий фельетон, ставящий в вину Кружку чрезмерное увлечение карточной игрой (*Серафимович А. Зеленое поле // Курьер. 1903. 29 марта. № 31. С. 2–3*).

⁴ Тиняков цитирует ставшее знаменитым посвящение К.Д. Бальмонта к сборнику «Будем как Солнце» (1903): «Посвящаю эту книгу, сотканную из лучей, моим друзьям, чьим душам всегда открыта моя душа: брату моих мечтаний, поэту и волхву Валерию Брюсову, — нежному, как мимоза, С.А. Полякову, — угрюмому, как скала, Ю. Балтрушайтису, — творцу сладкозвучных песнопений Георгу Бахману, — художнику, создавшему поэму из своей личности М.А. Дурнову, — художнице вакхических видений, русской Сафо, М.А. Лохвицкой, знающей толк в колдовстве, — рассветной мечте Дагни Кристенсен, валькирии, в чьих жилах кровь короля Гаральда Прекрасноволосого, — и песенному цветку Люси Савицкой, с душой вольной и прозрачной, как лесной ручей». Имеется в виду Сергей Александрович Поляков (1874–1943), переводчик и поэт, владелец книгоиздательства «Скорпион».

⁵ О первых двух текстах см. выше. Стихотворение «Лепестки осыпались душистые...» было помещено в «Лучах Зари» (1903. № 3), его текст нам неизвестен.

«Последнее желание» («Я устал... Не хочу, не могу больше жить...») опубликовано в новейшее время: [13, с. 144–145].

⁶ Беллетристический отдел появился в «Весах» только с 1906 г. В 1904 г. альманах «Северные цветы» не выходил: лишь нераспроданные экземпляры первых трех выпусков были выпущены в продажу, объединенные в конволют с новыми титульным листом и обложкой.

⁷ П.И. Некрасов (см. примеч. 7 к п. 3). Брат — врач Яков Ильич Некрасов (1880–1944), которому (наряду с «умной собачкой Тоби») посвящено стихотворение Тинякова «Приветливо лампа горела...», датированное 24 декабря 1903 г. и помеченное Москвой. См. о нем: [7]. В 1903 г. он, сам орловский уроженец, работал врачом в Московском уезде. Жена — Надежда Максимовна Некрасова (урожд. Гладилина).

⁸ Возможно, эта просьба (если она, конечно, была выполнена) дала определенный результат: в реестре подписчиков «Весов» шесть человек из Орловской губернии — совсем не мало для символистского журнала.

10. Крюков — Тинякову

19 декабря 1903

Дорогой Александр Иванович!

Письмо Ваше получил. Прочитал его с большим интересом и... не без грусти: охота Вам заглушать тоску свою таким первобытным способом, как регулярная ежедневная выпивка! Я на Вашем месте выбрал бы другое — работу. Всегда неизвестная или неудачная любовь (а я влюблялся много-много раз!) заставляла меня больше работать и больше вглядываться в себя, — и я с большим удовольствием влюбляюсь, так как это — один из лучших стимулов жизнедеятельности.

Мой совет — слушать Вам советов Попова и Андреева, — они люди опытные. Бросьте Вы все эти «Грифы», «Весы» и «Цветы», — чувствует мое сердце, что они вольют большой фиал горечи в Ваши чаяния от жизни.

Был у меня сегодня Анисимов¹, взял некоторые книги. Говорил о Вас. Я прочитал ему Ваше письмо. Жалее. Просил, между прочим, написать, приобрели ли Вы для него Маркса (или еще что-то, — не помню).

Я завтра уезжаю в Глазуновскую станицу. Вернусь не ранее 7-го января. Если удосужитесь, пишите в Глазуновскую. Желаю Вам всего лучшего. Жму Вашу руку.

Ф. Крюков.

Орел

19-го декабря 1903

Конверт. П. ш. 21.12.03.

¹ См. примеч. 3 к п. 5.

11. Тиняков — Крюкову

24 декабря 1903. Москва

Глубокоуважаемый Федор Дмитриевич.

Случилось со мной несчастье в «Скорпионе» и оно было так *<sic!>* порядком обескуражило меня. В.Я. Брюсов не нашел мои стихи годными для напечатания в «Северных цветах» на том основании, что «прочтя их он остался таким же как был». Это главное. Второе — они подражательны. Но форма их даже очень хороша по его мнению и меня он считает не безнадежным. Советовал работать, учиться читать и изучать поэтов.

Но мои последующие беседы с Л. Андреевым и особенно сегодняшняя с Поповым вновь оживили меня.

Андреев отнесся ко мне сдержанней и серьезней. Из моих вещей ему понравились напечатанные стихотворения в прозе, статьи и мысль рассказа «К Неизвестности». Мысль эта по его мнению нова и хороша, но обработка заставляет желать очень-очень многого. Прежде всего она подражательна и это главный недостаток. Для того, чтобы избегать его и вообще научиться писать он советовал поступать также как в живописи: начинать с эскизов. Не гоняться за новизной и даже сюжетами, а просто передавать настроение. А чтобы избегать подражательности нужно вчитываясь расчленять произведения каждого автора т. е. рассматривать чем он больше всего производит впечатление, каковы его приемы, построение и т. д. «Вот если Вы так поработаете годик-другой на свободе, то можно достигнуть громадных результатов». Очень советовал поступить мне в университет, так как студенческая жизнь развивает «чувство общности». Я оставил у него непрочитанную «фантазию»¹, которую он отдаст мне в Орле, где будет для чтен<ий> на студенч<еском> веч<ере> 1–4-го января².

Серафимович, выслушав «К Неизвестности» сказал, что это вещь «молодая», но у меня есть все данные, чтобы сделаться писателем. Один из новых моих эскизов «Заснул»³ ему понравился и на вопрос мой годится ли он для печати в «Орл<овском> В<естнике>» он отвечал вполне и даже просил, если я напишу что-либо вроде прислать ему для «Народного Блага», редактором которого (беллетр<истического> отд<ела>) теперь он⁴.

Он будет Вам писать, но и меня также просил, чтобы я передал Вам усиленные просьбы его относительно какого-нибудь Вашего рассказа, который Вы могли бы дать в «Народное Благо»⁵. Я сказал, что у Вас начата работа о «Сарове»⁶. Только просил предупредить

Вас, что цензура очень притесняет «Народное Благо». У него я встретил раз Парамонова издателя «Донской речи» (нар<одных> книжек)⁷. Ему очень нравится Ваш рассказ «В родных местах» и он хочет попросить его у Вас для издания отдельной книжечкой⁸. — «Нар<одное> Благо» имеет уже 10 тысяч подписчиков, при том среди малоинтеллигентных людей, где он конкурирует с преподленьким органчиком «Родная Речь»⁹, а потому его победа и успех очень желательны.

Я на распутье: с одной стороны человеческая литература, в которую я кажется могу проникнуть постепенно и упорно работая, с другой заманчивый «Гриф», с которым я ни в каком случае не думаю прерывать отношений.

Уважающий Вас А. Тиняков.

1903 г. 24/XII. Москва.

¹ Может быть, фантазия «Гниющий труп» [13, с. 320].

² 20 декабря 1903 г. в хронике «Орловского вестника» сообщалось: «Благотворительный концерт. 2-го января в помещении дворянского собрания состоится концерт, сбор с которого поступит в пользу студентов-орловцев Императорского московского университета, при участии известного балетриста Леонида Андреева, уроженца г. Орла» (Орловский вестник. 1903. 20 декабря. № 337. С. 2). 24 декабря описание программы было расширено: помимо Л. Андреева ожидалось пение (А.И. Добровольская, М.П. Лакс, Н.И. Улуханов). «По окончании концерта состоятся танцы, во время которых будет гадание, почта и т. п. развлечения» (Орловский вестник. 1903. 24 декабря. № 341. С. 5). В отчете говорилось: «Концерт 2-го января в зале Дворянского Собрания в пользу недостаточных студентов-орловцев Московского университета привлек такую массу публики, что в обширной зале трудно было двигаться. В концерте приняли участие г-жа Добровольская, г-жа Борисова и Л. Андреев. Последний прочел несколько отрывков из своих сочинений, но по его собственному заявлению, сделанному им на вызовы публики, он сам не слышал своего собственного голоса — так примерно вела себя орловская публика. Благодаря участию на вечере Л. Андреева сбор превзошел всякие ожидания. После концерта были танцы» (Орловский вестник. 1904. 4 января. № 4. С. 2).

³ См. примеч. 5 к п. 2.

⁴ В «Народном благе» Тиняков не печатался.

⁵ Публикаций Крюкова в «Народном благе» не выявлено.

⁶ Имеется в виду рассказ Крюкова «К источнику исцелений». Он был напечатан в «Русском богатстве» (1904. № 11. С. 114–142; № 12. С. 110–135).

⁷ Николай Елпидифорович Парамонов (1876–1951) — богатый купец, торговец зерном и углем, энтузиаст революционного движения, владелец издательства «Донская речь», выпускавшего агитационную литературу. После 1917 г. бежал в Германию.

⁸ Книги Крюкова в «Донской речи» не печатались.

⁹ «Родная речь» — иллюстрированный еженедельный журнал (1897–1906, 1908–1912) с прибавлением одноименной газеты.

12. Тиняков — Крюкову
30 декабря 1903 — 4 января 1904

Письмо второе.

Глубокоуважаемый Федор Дмитриевич.

Из Москвы я приехал в Орел 27-го дек. утром. В Орле я увиделся с матерью¹. Она и отец относятся ко мне очень неодобрительно и даже задуманный мною приезд домой на несколько дней оказался для них нежелательным. Однако вынуждаемый необходимостью отец во время моего отсутствия нашел для меня квартиру и позволил взять репетитора. О деньгах же на книги не упомянул. Квартира, нанятая отцом у родственников оказалась очень неудобной и жить в ней я не могу. И я написал отцу письмо, в котором просил у него позволения жить в одном из его лесов и ежемесячно по 7 р. на книги. Но тут дела приняли новый облик. Дядя² главным образом, как я думаю, не из расположения ко мне, а из желания доставить отцу неприятность предложил мне жить и готовиться в университет в одном из его имений, где живут только 2 его сына. Это хорошо, и я теперь здесь.

Старинный барский дом, огромные светлые комнаты, хвойный парк, близкая железная дорога, отличный стол. И если отец согласится давать только по 7 или даже 6 р. на книги я на некоторое время могу считать себя обеспеченным.

А в случае если ничего не выйдет, то мне все равно. К бесприютной жизни тоже можно привыкнуть и даже находить в ней особого рода поэзию, хотя нельзя не сознаться, что она притупляет человека и обессиливает.

Теперь в высшей степени чувствую себя нервно расстроенным и очень сознаю необходимость лечения.

В Орле я пробыл 27–29. Это время я кое-где обедал, кое-где спал, кое во что одевался. Так дабы пройти на студенческий вечер бесплатно напялил сюртук Алексина³ и до сих пор щеголяю в нем. В Дворянском Собрании этим сюртуком я произвел фурор и нашлись дураки, которые поверили, что я поступил на юридический факультет. В Орле я буду 1–5-го, а потом не знаю когда.

Влюбленность моя, не знаю должно быть главным образом от притупляющей водки и долгого разъединения начинает проходить.

В «Орловском Вестнике» приняли моих около семи вещей. Некоторые из них я дал еще в октябре и они до сих пор не напечатаны⁴.

Адрес мой теперь будет по всей вероятности таков: Станция Змиевка Моск. Курск. жел. дороги Ал.Ив. Тинякову в с. Пирожково.

Идет Новый Год, от которого я могу ожидать только Нового Несчастья.

С уважением А. Тиняков.

1903 г. 30 декабря.

С. Пирожково.

Вчера в «Орл<овском> В<естнике>» напечатано мое стих<отворение>⁵. Вчера же виделся с Андреевым⁶ и долго разговаривал.

А.Т.

1904 г. 4 янв.

Г. Орел.

¹ Мать — Мария Лукинична Тинякова (ок. 1866–1919).

² Дядя — Михаил Максимович Тиняков (ум. 1917).

³ Алексин — вероятно, Александр, упоминаемый в автобиографии Преображенского (см. примеч. 4 к п. 2): «По моему настоянию Саша Алексин украл из касс типографии своего отца пять фунтов шрифта <...>» [8, с. 25]. В 1900-е гг. в Орле работал книжный магазин и библиотека П.К. Алексина; может быть, типография принадлежала ему же.

⁴ В 1904 г. в «Орловском вестнике» печатались следующие сочинения Тинякова: «Два призыва» см. примеч. 2 к п. 6), «Чибис» («Далеко протянулось болото бескрайное...») (21 января. № 21. С. 2), «Памяти Чехова» (статья) (10 июля. № 70. С. 3), «На смерть А.П. Чехова» («Он в серые сумерки выступил в путь...») (11 июля. № 71. С. 2), «Светлые горы тонули в тумане...» (8 августа. № 99. С. 2), «Ярко море сверкало лазурное...» (19 августа. № 110. С. 2), «Весенний ветер» («В смутном царстве грез туманных...») (22 октября. № 174. С. 2).

⁵ Стихотворение «Два призыва» (см. выше).

⁶ Л.Н. Андреев прибыл в Орел для участия в благотворительном вечере (см. примеч. 2 к п. 11).

13. Тиняков — Крюкову

17 января 1904

... Когда дело дошло до 5-го класса, то инспектор ожесточенно пробурчал: «ну здесь конечно по числу записей первое место занимает Кривцов»¹.

И стали разбирать проступки Кривцова. Но странно, записей было много, Кривцова наказывали часто, а между тем никто из учителей не мог ясно сказать, чем он ему досадил. И если бы спросили самого Кривцова, от тоже не мог бы рассказать о своих шалостях. Вообще это был сдержанный и задумчивый юноша. Но в классе им неудержимо овладевал дух какого-то бесшабашного веселья, немного приправленного злостью и он под неудержимый хохот класса и свой собственный выводил учителей из себя. У него не существовало

различия между комичным Мареком², самодуром-Митродоровым³, желчным историком и сдержанным французом⁴. Нельзя сказать, чтобы шалости его были слишком смелы и необычны, но они всегда казались смелыми, благодаря спокойствию и равнодушию к наказаниям Кривцова. Глупыми они бывали редко, а если и бывали глупы, то глупость их была намеренная и утрированная. Иногда они бывали совершенно бессодержательны и заставляли злиться учителей и смеяться класс, только благодаря тону Кривцова. Так напр. однажды когда инспектор стоял окруженный толпой учеников Кривцов спокойно подошел и спокойно произнес: «А.А. а ведь русского консула-то убили»⁵. Хохот учеников и гнев инспектора были сильны в равной степени. А то на уроках Марека он несколько уроков подряд вставал с своего места и спокойно заявлял «Благово⁶ взял мою тетрадку» — и все хохотали. Но случалось ему выкидывать и серьезные штуки. Так раз в самый разгар учебного года он без отпускного билета никому не сказавши укатил в Москву, прожив там дня 3 и вернулся как ни в чем ни бывало. Ловко объяснился с директором и в результате не понес никакого наказания, а над партией своей написал мелом «Блудный сын» и надпись эта страшно бесила Митродорова.

На совете больше всего напал на Кривцова историк и математик⁷. Директор⁸ защищал его. Ему было немного приятно, что Кривцов к нему относится с должным, хотя нисколько не раболепным почтением. Нравилась ему в Кривцове «откровенность» так как о том, что откровенно <sic!>. Это была кажущаяся откров<енность> и не зная Кривцов рассказывая о чем-нибудь говорил подробно, но одно незаметно оттенял, другое — затемнял...

Одинокий.

1904 г. 17-го I.

¹ Письмо (подписанное «Одинокий» и отсоединившееся от основного корпуса) представляет собой развернутую рефлексию по поводу рассказа Крюкова «Картинки школьной жизни» (см. примеч. 1 к п. 2), с которым Тиняков, будучи прототипом главного героя, вероятно, ознакомился в рукописи. К остроумным наблюдениям И.В. Самариной (см.: [12]) добавим (здесь и в следующих примечаниях) еще несколько предположений о прообразах персонажей повести: в частности, Станислав Казимирович Пржекторжевич — А.Б. Свенторжецкий (см. примеч. 3 к п. 3).

² Вероятно, прототипом этого героя послужил преподаватель древних языков Иосиф Францевич Шадек (1857–?). Он же изображен в рассказе Л.Н. Андреева «Молодежь». В отличие от большинства преподавателей Орловской гимназии, биография его в общих чертах известна, благодаря тому, что он оказался единственным здравствующим педагогом, разысканным первым биографом Леонида Андреева; см.: [14, с. 50–52, 217–219, 343].

³ В опубликованном тексте повести этот герой носит фамилию Митрофоров: возможно, Тиняков просто не разобрал трудный почерк Крюкова. Это — преподава-

тель латинского языка; прототип его — Михаил Петрович Полидоров, учитель древних языков.

⁴ «Историк» и «француз», несмотря на выразительные портреты, остались в повести безымянными. Историю в гимназии вел (наряду с самим Крюковым) Николай Иванович Горшечников (он учил и Леонида Андреева, см.: [14, с. 56]; ср. инскрипт: «Николаю Ивановичу Горшечникову с благодарностью за редкие, хорошие минуты, проведенные в гимназии на уроках истории, от прежнего ученика Леонида Андреева. 1902 г.» [6, с. 294]); французский преподавал Семен Флорианович Семеновский.

⁵ Этого эпизода в окончательном тексте повести нет. Имеется в виду русский дипломат Александр Аркадьевич Ростковский, консул в Битоли, убитый 8 августа 1903 г.

⁶ Вероятно, это гимназист по фамилии Плохово, упоминавшийся в письмах ранее.

⁷ Математику в гимназии преподавал Иван Николаевич Борисов.

⁸ Директором гимназии был Осип Антонович Петрученко (1853 или 1854–1916).

14. Тиняков — Крюкову

16 февраля 1904

Милостивый государь Федор Дмитриевич.

«Ура!» закричал бы я, если бы это случилось месяца два тому назад, т. е. если бы я тогда получил альманах «Гриф» с моими произведениями¹. Теперь же мне приятно конечно, но до восторга далеко. Не знаю, может быть от того, что я слишком долго «предвкушал», а вернее потому, что за последнее время я чувствую себя усталым и отупевшим. Отчасти на мое настроение повлиял и ваш отзыв о моих последних вещах. Прежде всего скажу о «гимназическом» рассказе². Я его написал следующим образом: пришла мне на память смешная фраза Сорокина, я и начал³. Потом предо мной мелькали другие фигурки, и я заносил их, причем главной моей заботой было, чтобы вышло посмешней. Прочтя сам и некоторым из гимназистов, я убедился, что цели своей достиг и у меня мелькнула мысль о напечатании. Рад бы я был напечатать в «Русск<ом> Слове», а если не годится, то, подпустив «комизьм» <sic> я б удовольствовался и «Осколками»⁴. Вот относительно этого я и хотел узнать Ваше мнение. Seriously же работать над ним я считаю невозможным для себя, как не считаю возможным говорить серьезным тоном о копченой колбасе или преимуществе коньяка над портвейном. Если мне суждено быть писателем, то мне дорога одна: — Гриф.

В замечании о Кривцове и Дмитриии я усмотрел упрек мне в самовозвышении⁵. Этого нет. Оставляю в стороне несерьезный гимназич<еский> рассказ и скажу об «эскизах из жизни», что себя я изобразил в лице не только Дмитриия, но и Григория, и поэта⁶. Рас-

сказ этот, сам чувствую, не хорош: бледен, растянут. И единственно на что я могу претендовать, это верная обрисовка выведенных лиц, т. к. я писал о себе только то, что думал, чувствовал и испытал.

Вообще же это не мой путь: попробовал раз, не вышло, ну и будет! Настроение мое сейчас убийственное. Нет ничего тяжелей одиночества. Честное слово, это не фраза! Знакомых у меня порядочно и самых разнообразных, но — они мне чужие и я им чужой. Даже более или менее близкие, напр. Анисимов⁷ и те далеки и чужды мне. Чувствую, что исчезни напр<имер> я или он куда-нибудь без следа, это пройдет для того и для другого бесследно. Ни с одной из книг я не могу сродниться... А тут еще эта любовь подоспела и благодаря ей, я совсем обессилен и опошлен. — В Орле буду на 2-й и 3-ей неделе. Если можете ответьте.

С почтением А. Тиняков.

1904 г. 16 февраля. Село Пирожково.
Ст. Змиевка М.К. — Пирожково.

¹ О дебютной публикации Тинякова в альманахе «Гриф» см. примеч. 2 к п. 1.

² Вероятно, речь идет о рассказе Тинякова «Будущие деятели. Картинка гимназической жизни», помещенном в № 6 журнала «Лучи Зари».

³ Среди личных дел гимназистов хранятся документы Александра Адриановича Сорокина (ГАОО. Ф. 64. Оп. 2. Ед. хр. 1205), но он ли имеется в виду — мы не знаем.

⁴ Разница, очевидная для современников, но не вполне внятная для нас. «Русское слово» — ежедневная газета «серьезного» направления; «Осколки» — юмористический еженедельник; статус его очевидно ниже.

⁵ Кривцов — списанный с Тинякова персонаж «Картинок школьной жизни» Крюкова. Замечание, вероятно, содержалось в утраченном письме.

⁶ Рассказ «Эскизы из жизни» отмечен в автобиографии Тинякова [13, с. 325], но текст его нам неизвестен.

⁷ См. примеч. 3 к п. 5.

15. Тиняков — Крюкову

3 августа 1904

Многоуважаемый Федор Дмитриевич.

Не могу удержаться, чтобы не написать Вам несколько слов по поводу Вашего рассказа и впечатления, которое он произвел на орловских обывателей¹.

Разговоров очень много; удивляются смелости автора; многие считают меня (sic) виновником этого рассказа.

Недавно инспектор² прибежал в Пушкинскую библиотеку и забурчал: «Дайте мне «Русское Богатство». Я что хочешь заплачу,

только дайте почитать». Я прочел его в печати и должен согласиться с критиком «Русской Мысли»: благодаря публицистической главе, он не производит вполне цельного впечатления³.

Потом, простите за замечание, мне кажется, Вы недостаточно изучили психологию учеников. Она у Вас или неверна, как напр<имер> Кривцов — издающий журналы и кудахтающий курицей; или, если и верна, то все же главные черты ускользнули от Вашего внимания.

Я весь почти июль прожил в деревне, у дяди — отдыхал. Теперь живу в Орле, занимаюсь политич<еской> эк<ономией> и журналом. Журнал все расширяется. Теперь у нас много сотрудников из среды студентов и интеллигенции; предполагаем (и вероятно сделаем) завести корреспондентов в Ельце, Брянске, Болхове⁴.

Если все наши предположения осуществляются, то журнал наш станет таким «серьезным органом», что я позволяю себе попросить Вас сделать какой-либо вклад в наше дело.

3/VIII. 04. Орел.

Уважающий Вас А. Тиняков.

Мой адрес: Орел, Ситниковская ул. дом Малевского, кв. Алексина Ал.Ив. Тинякову.

¹ Речь идет об упоминавшемся выше рассказе Крюкова «Картинки школьной жизни» (см. примеч. 1 к п. 2).

² Инспектор гимназии — Александр Антонович Недбаль.

³ Тиняков имеет в виду отзыв (подписанный литерой «А») в журнальной хронике «Русской мысли»: «В школьном жанре г. Березинцева есть очень удачные черты и сцены, выразительные характеристики отдельных учителей и учеников, ярко воспроизведена шумная атмосфера класса. Но беллетристический только наполовину, рассказ автора не производит поэтому и цельного впечатления» (Русская мысль. 1904. № 7. Отд. II. С. 189).

⁴ Судя по опубликованному содержанию номеров «Лучей Зари» (последний из которых датирован маем 1904 г.), Тиняков лукавит: по-прежнему основная масса материалов журнала принадлежала его перу.

16. Тиняков — Крюкову

23 февраля 1905

«Жизнь мрачна и печальна, как гроб»

А. Белый¹.

— «Скорбь — это вечность, из которой все произошло, скорбь звучит в голосе прошлого, и в будущем нет ничего, кроме скорби». —

Ст. Пшибышевский².

Многоуважаемый Федор Дмитриевич.

Не знаю — сумею ли исполнить Ваше предложение и написать Вам интересное письмо; если писать о себе и о том, что важно сейчас для меня — это может показаться неинтересным для Вас; если же писать о том, что сейчас интересует б<ольшую> ч<асть> русской интеллигенции, то вряд ли я могу написать об этом что-нибудь хорошее, т. к. de facto стою совершенно в стороне от либерального писка и пролетарских завываний последних дней. К сожалению, не могу сказать, чтобы я и *de jure* был непричастен к «событиям последних дней», но о многом я даже при всем желании не могу писать, опасаясь цензуры «с двух фронтов». Мое отношение к вышеупомянутым «концертам» земцев, адвокатов etc. купно с «грядущей силой»³ — отрицательное и сожалеющее, не без оттенка аристократического презрения.

Конечно во многих толпа на баррикадах может возбуждать сочувствие и симпатии, но мне она одинаково противна и враждебна. — Работает ли, согнув спины или дерется под красными флагами, п<отому> ч<то> одинаково несет от нее запахом телесного пота и душевной гнили и эти запахи можно бы было забыть, если бы баррикады были воздвигнуты не против того или иного правительства, а против Пошлости и Дряблости духа современного «человека».

Напрасно думают «марксисты», что они, работая, работают для «новой» жизни. Перефразируя Ницше, можно сказать, что не человек, а вся жизнь человечества «посмешище или мучительный позор»⁴, и такой она всегда будет, как бы она не «изменилась» с наступлением социалистического строя. Пожалуй, правда, если меня или Вас перенести в «будущее общество» мы будем довольны, и наши взгляды не откроют пятен на солнце «будущей жизни человечества», — но ведь как есть «довольные» и теперь, так и тогда будут и «недовольные», — те избранные, те органические революционеры, которые всегда идут впереди... и гибнут. И при том без надежд, сознавая, что и древним Титанам не направить реку человеческой жизни по новому руслу.

Спенсер сказал про будущее: — «Грядущее рабство»⁵, а Ницше выразил такую мысль:

«Ни одного пастыря, одно лишь стадо! Каждый желает равенства и все равны: кто чувствует иначе, добровольно отправляется в сумасшедший дом»⁶.

Ни с тем, ни с другим я не могу согласиться: ни большего рабства, ни большей свободы не принесет нам будущее, п. ч. человек — прирожденный, цельный раб и только стремление к какому бы то ни

было культу в нем выражено полно и решительно. И до тех пор пока каждый не станет напряженно и мучительно бороться с самим собой, пока каждый не станет стремиться стать чище и прекрасней духовно — до тех самых пор жизнь будет плоска и безобразна, независимо от того будут ли ее члены все сыты или все голодны физически.

А таковых стремлений со стороны людей я не вижу ни теперь, ни тем более в будущем, п. ч. их мысли и действия направлены в сторону другой борьбы, именно зверской борьбы друг против друга и варварской борьбы против Природы. И при том люди, сознавая это, теперь не стыдятся даже, и различные циники-позитивисты, хладнокровно пожимая плечами и насмешливо улыбаясь говорят «Что же? Человек есть животное общественное... Борьба за существование», не понимая, что этим самым они уравнивают себя со свиньей, которая не пойдет от корыта с месивом, чтобы смотреть на Солнце и любоваться цветами.

* * *

Траурным флером окутано будущее. Крово-красные, погребальные факелы освещают путь человечества. А оно в своей ослепленности все глубже и глубже роет могилы и хоронит в них Любовь и властность Мечты, и легковзвонность Поэзии, и стихийность Силы, и понятие о Красоте... Похоронит ли совсем? Нет никогда!.. Всегда — и в кочевья скифов, и в сладострастную Элладу, и на разгульные пиршества Древнего Рима, и на пожары костров Инквизиции, и в наш «автомобильный» и «газетный» век — слетали и слетают белокрылые вестники, рожденные в Иных Мирах и криком неба кричат над Землей. И пока сердце Земли не застынет, будут подниматься над желтыми туманами болот и бесплодностью пустынь пламезарные <sic!> факелы и неземные, безбрежно грустные лилии.

От сиянья факелов не станет светлее всем, от аромата лилий воздух не сделается чище, но они нужны, как искупление жизни миллионов диких, пошлых червей, гордо именующих себя «царями природы» и устами своих дубиновых <sic!>, именно «горьких» поэтов поющих себе гимны.

* * *

Хочется порвать, перерезать все эти проволоки телеграфов и телефонов, разбить электрические фонари, разметать каменные тюрьмы-дома и крикнуть «смотрите! Смотрите, как величаво и красиво небо, как полнозвучны моря, как цельно-страстны лучи Солнца и маки, как девственны и пьяны задумчивой грустью лунные тени и белые ландыши, как смелы орлы, как сильны тигры — и посмотрите на себя. Ваши души покрытые протухшей плесенью безводные ко-

лодцы, ваши глаза бездумны и груди беспорывны. И неужели вам не хочется хоть на миг вспыхнуть кометными искрами, сверкнуть метеорами, запеть, как поют Вихри и умереть, как тают облака безболно и красиво?!» Но Ницше говорит: «Что такое Любовь? Что такое творчество? Что такое стремление? Что такое звезды? — Так спрашивает последний человек и бессмысленно моргает»⁷ — я думаю, что почти все люди в ответ на вышеприведенное обращение только заморгали или подобно чеховскому Пищичу издали удивленное «Ну» и пошли бы... обедать и представляться возмущенным «злом», которое царит в России и говорит о «будущем», между супом и жарким.

* * *

Простите, написано бессвязно. Если ответите и вообще, если захотите беседовать со мной — буду писать. Адрес тот же.

Одинокий.

905 г. 23. II

Москва.

P.S. За деньги очень благодарю.

P.P.S. Если хотите дайте прочесть это письмо Преображенскому⁸.

¹ Из стихотворения «Возмездие» («Пусть вокруг свищет ветер сердитый...»).

² Источник этой цитаты, судя по всему, довольно экзотичен: она приведена на открытом письме, выпущенном киевским издательством «Рассвет». На той же стороне открытки — портрет Пшибышевского, на обороте — краткая биография. В изданных к 1905 г. по-русски текстах Пшибышевского нам эту апофегму отыскать не удалось.

³ «Грядущая сила» — выражение из романа Гончарова «Обрыв»; принадлежностью к ней бравирует герой романа Марк Волохов, нигилист и вольнодумец.

⁴ Цитата из «Так говорил Заратустра» в переводе Ю.М. Антоновского (*Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. Перевод с немецкого Ю.М. Антоновского. СПб., 1903. С. 9).

⁵ Заглавие памфлета английского философа Герберта Спенсера (1820–1903); русский перевод — СПб., 1884.

⁶ *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. С. 17.

⁷ Там же. С. 16.

⁸ См. примеч. 4 к п. 2.

17. Крюков — Тинякову

23 июня 1915

23 июня 1915

Александр Иванович.

Ваша статья прислана Горнфельдом¹. Его отзыв: это — разнос, в котором все доказательное не ново и не очень углублено и много

спорного. Советует прочитать рукопись мне. Я сегодня, вероятно, прочитаю ее. Рукопись получите у меня, — зайдете как-нибудь. Раньше все-таки позвоните: 557-96.

Ф. Крюков.

На бланке журнала «Русские записки». П. ш.: 23.6.15.

¹ В пространной поздней автобиографии, говоря о событиях 1915 года, Тиняков среди прочего пишет: «Старый мой учитель по Орловской гимназии Ф.Д. Крюков предлагал мне работать в «Русском Богатстве»<...>» [13, с. 15]. Настоящее письмо относится к этому эпизоду (в 1915 г. «Русское богатство» издавалось под именем «Русских записок»). Проект этот не осуществился: ни в «Русском богатстве», ни в его клонах Тиняков не печатался. Аркадий Георгиевич Горнфельд (1867–1941) — переводчик и литературный критик, член редакции «Русского богатства».

18. Крюков — Тинякову

14 августа 1915

Александр Иванович! Извиняюсь, что поздно пишу по поводу Ваших рецензий, — посылаю их в редакцию лишь теперь. Рецензию о Моравской прочитал в дороге, но в том виде, в каком она была, не мог послать в журнал. Кое-что почеркал. Не знаю, понравится ли это Вам и понравится ли сама рецензия редакции. В август<овский> номер обе рецензии запоздали¹. В сентябре, вероятно, появятся.

Ф. Крюков.

Глазуновская ст. О. В. Д.
14/VIII-915

Открытка с надпечаткой «Русское богатство». П. ш.: 14.8.15.

¹ Рецензий Тинякова на книги Марии Людвиговны Моравской (1890–1947?) мы не знаем; в «Русском богатстве» 1915 г. ее книги не обсуждались вовсе (хотя в № 9 (с. 336) и сообщалось, что ее сборник «Золушка думает» поступил в редакцию для отзыва). Дело могло осложниться тем, что сама Моравская регулярно публиковалась в журнале. Как правило, рецензии в «Русском богатстве» печатались без подписи, так что выявить возможные тексты Тинякова в сентябрьском и следующих номерах без дополнительных сведений невозможно.

Литература

1. Беляева Л.Н., Зиновьева М.К., Никифоров М.М. Библиография периодических изданий России. 1901–1916 / под общ. ред. В.М. Барашенкова, О.Д. Голубевой, Н.Я. Морачевского. Л.: ГПБ, 1961. Т. 4. 400 с.

2. Варжапетян В. Кое-что про Тинякова. М.: Common place, 2023. 188 с.

3. Горинов М.М., Цакунов С.В. Евгений Преображенский: трагедия революционера // Отечественная история. 1992. № 2. С. 75–95.

4. *Громов В.* Под сенью Пушкина. Литературные очерки (об И.С. Тургеневе и А.С. Пушкине). Орел: Вешние воды, 1999. 312 с.

5. *Двинынинов Б.Н.* Письма А.С. Серафимовича к Ф.Д. Крюкову // А.С. Серафимович (1863–1963). Материалы межвузовской научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.С. Серафимовича. Волгоград: Волгоградский пед. ин-т, 1963, С. 147–157.

6. «Дневник» Леонида Андреева / публ. Н.П. Генераловой // Литературный архив. Материалы по истории русской литературы и общественной мысли. СПб.: Наука, 1994. С. 247–294.

7. *Дюмулен И.И.* «Никогда не унывающий доктор». О враче Я.И. Некрасове (1880–1944) // Московский журнал. 2008. № 6. С. 84–90.

8. Е.А. Преображенский. Архивные документы и материалы: 1886–1920 гг. / сост. М.М. Горинов. М.: Главархив Москвы, 2006. 726 с.

9. *Короленко В.* Письма к молодым литераторам / публ. Е. Гибет // Вопросы литературы. 1962. № 4. С. 148–167.

10. *Павлова М.М.* Творческая история романа «Мелкий бес» // *Сологуб Ф.* Мелкий бес / изд. подгот. М.М. Павлова. СПб.: Наука, 1904. С. 643–757.

11. Письма З.Н. Гиппиус к А.И. Тинякову / публ. Н.А. Богомолова // Литературное наследство. Т. 106: Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус. М.: ИМЛИ РАН, 2021. Кн. 2. С. 221–248.

12. *Самарина И.В.* Журнал «Школьные досуги» А. Тинякова как ключ к повести Ф.Д. Крюкова «Картинки школьной жизни» // Тургеневский ежегодник 2020 года. Орел: ОРЛИК, 2020. С. 336–348.

13. *Тиняков А. (Одинокий).* Стихотворения. 2-е изд. / подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Н.А. Богомолова. Томск; Москва: Водолей, 2002. 416 с.

14. *Фатов Н.Н.* Молодые годы Леонида Андреева. По неизданным письмам, воспоминаниям и документам. М.: Земля и фабрика, 1924. 367 с.

Research Article and Publication of Archival Documents

Correspondence Between F.D. Kryukov and A.I. Tinyakov (1903–1915)

© 2024. Alexander L. Sobolev
Independent Researcher,
Moscow, Russia

Abstract: The publication presents the correspondence of the decadent poet Alexander Tinyakov (1886–1934) with his school teacher and literary mentor, the famous political figure and writer Fyodor Kryukov (1870–1920), who was one of the editors of the magazine “Russkoye Bogatstvo” (“Russian Wealth”) in the 1900s.

Most of the letters date back to 1903–1905, when Tinyakov, having left the Oryol gymnasium, took his first steps in the literary world and felt the need to share with his mentor his creative plans (he compiled a handwritten magazine “Luchi zari” (“Rays of Dawn”) and actively sent his texts to the central periodical press), his limited experience of successes and failures. Publishing problems and magazine life in the early 20th century are the main themes of this correspondence. Tinyakov proudly discusses his literary acquaintances with V. Bryusov, L. Andreev, A. Serafimovich, S. Sokolov-Krechetov, et al. The epistolary dialogue between persons from two opposed cultural circles instantly becomes the property of literature: Kryukov uses the personality and messages of his student as a factual substrate for his novels about school life.

Keywords: Fyodor Kryukov, Alexander Tinyakov, literary and everyday correspondence, writers’ biographies, Russian periodicals and book publishing of the 1900s, “Russkoye Bogatstvo” magazine, Russian gymnasiums at the turn of the 19th and 20th centuries.

Information about the author: Alexander L. Sobolev, Independent Researcher, Moscow, Russia.

E-mail: trirodov@gmail.com

For citation: Sobolev, A.L. “Correspondence Between F.D. Kryukov and A.I. Tinyakov (1903–1915).” *Literaturnyi fakt*, no. 3 (33), 2024, pp. 70–105. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-33-70-105>

References

1. Beliaeva, L.N., M.K. Zinov’eva, and M.M. Nikiforov. *Bibliografiia periodicheskikh izdaniy Rossii. 1901–1916* [*Bibliography of Russian Periodicals. 1901–1916*], vol. 4, ed. by V.M. Barashenkov, O.D. Golubeva, and N.Ia. Morachevskii. Leningrad, State Public Library Publ., 1961. 400 p. (In Russ.)
2. Varzhapetian, V. *Koe-cto pro Tiniakova* [*Something About Tinyakov*]. Moscow, Common place Publ., 2023. 188 p (In Russ.)
3. Gorinov, M.M., and S.V. Tsakunov. “Evgenii Preobrazhenskii: tragediia revoliutsionera” [“Evgeny Preobrazhensky: The Tragedy of a Revolutionary”]. *Otechestvennaia istoriia*, no. 2, 1992, pp. 75–95. (In Russ.)
4. Gromov, V. *Pod sen’iu Pushkina. Literaturnye ocherki (ob I.S. Turgeneve i A.S. Pushkine)* [*Under the Shadow of Pushkin. Literary Essays (About I.S. Turgenyev and A.S. Pushkin)*]. Orel, Veshnie vody Publ., 1999. 312 p. (In Russ.)
5. Dvinianinov, B.N. “Pis’ma A.S. Serafimovicha k F.D. Kriukovu” [“Letters of A.S. Serafimovich to F.D. Kryukov”]. *A.S. Serafimovich (1863–1963). Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 100-letiiu so dnia rozhdeniia A.S. Serafimovicha* [*A.S. Serafimovich (1863–1963). Proceedings of the Interuniversity Scientific Conference Dedicated to the 100th Anniversary of A.S. Serafimovich’s Birth*]. Volgograd, Volgograd Pedagogical University Publ., 1963, pp. 147–157. (In Russ.)
6. “‘Dnevnik’ Leonida Andreeva” [“Leonid Andreev’s ‘Diary’.”], publ. by N.P. Generalova. *Literaturnyi arkhiv. Materialy po istorii russkoi literatury i obshchestvennoi mysli* [*Literary Archive. Materials on the History of Russian Literature and Social Thought*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994, pp. 247–294. (In Russ.)

7. Diumulen, I.I. “‘Nikogda ne unyvaiushchii doktor’. O vrache Ia.I. Nekrasove (1880–1944)” [“‘The Never-Despondent Doctor.’ About the Doctor Ya.I. Nekrasov (1880–1944)”]. *Moskovskii zhurnal*, no. 6, 2008, pp. 84–90. (In Russ.)

8. E.A. *Preobrazhenskii. Arkhivnye dokumenty i materialy: 1886–1920 gg.* [E.A. *Preobrazhensky. Archival Documents and Materials: 1886–1920s*], comp. M.M. Gorinov. Moscow, Glavarkhiv Moskvyy Publ., 2006. 726 p. (In Russ.)

9. Korolenko, V. “Pis’ma k molodym literatoram” [“Letters to Young Writers”], publ. E. Gibet. *Voprosy literatury*, no. 4, 1962, pp. 148–167. (In Russ.)

10. Pavlova, M.M. “Tvorcheskaia istoriia romana ‘Melkii bes’.” [“Creative History of the Novel ‘The Petty Demon’.”] Sologub, F. *Melkii bes [The Petty Demon]*, ed. prep. M.M. Pavlova. St. Petersburg, Nauka Publ., 1904, pp. 643–757. (In Russ.)

11. “Pis’ma Z.N. Gippius k A.I. Tiniakovu” [“Letters from Z.N. Gippius to A.I. Tinyakov”], publ. by N.A. Bogomolov. *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*, vol. 106: Epistoliarное nasledie Z.N. Gippius [Epistolary Heritage of Z.N. Gippius], book 2. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 221–248. (In Russ.)

12. Samarina, I.V. “Zhurnal ‘Shkol’nye dosugi’ A. Tiniakova kak kliuch k povesti F.D. Kriukova ‘Kartinki shkol’noi zhizni’.” [“The Journal ‘School Leisure’ by A. Tiniakov as the Key to the Story by F.D. Kryukov ‘Pictures of School Life’.”] *Turgenevskii ezhegodnik 2020 goda [Turgenev Yearbook 2020]*. Orel, ORLIK Publ., 2020, pp. 336–348. (In Russ.)

13. Tiniakov, A. (Odinokii). *Stikhotvoreniia [Poems]*. 2nd ed., text prep., introd. article and comm. by N.A. Bogomolov. Tomsk, Moscow, Vodolei Publ., 2002. 416 p. (In Russ.)

14. Fatov, N.N. *Molodye gody Leonida Andreeva. Po neizdannym pis’mam, vospominaniyam i dokumentam [The Youth of Leonid Andreev. Based on Unpublished Letters, Memories, and Documents]*. Moscow, Zemlia i fabrika Publ., 1924. 367 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 12.04.2024
Одобрена после рецензирования: 13.05.2024
Дата публикации: 25.09.2024

The article was submitted: 12.04.2024
Approved after reviewing: 13.05.2024
Date of publication: 25.09.2024